АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ ОСИПОВ
Профессор Московской Духовной академии

ИЗ ВРЕМЕНИ В ВЕЧНОСТЬ

ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ ДУШИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
МОСКВА 2013

ББК 86 372
О 741

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС–12–123–2316

Осипов Алексей Ильич

О 741 Из времени в вечность: посмертная жизнь души. — 6-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. — 224 с.

Книга посвящена проблемам бытия человека за гранью смерти. Как понять вечность? Что такое мытарства? Может ли Бог-Любовь дать жизнь тому, кто, как Он знает, пойдет в вечные муки? Действуют ли в посмертии наши страсти? Есть ли реальные средства помощи усопшему? Каково действие молитвы на посмертное состояние души?

Никого не могут оставить равнодушными эти глубинные вопросы, эта тайна человеческой жизни в двух измерениях — времени и вечности. Книга профессора Московской Духовной академии Алексея Ильича Осипова, составленная на основе его публичных лекций и ответов на вопросы слушателей, поможет читателю во многом заново осмыслить прежде известное, взглянуть на тот мир через призму святоотеческого учения.

©Осипов А. И., 2013
©Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013

ISBN 978-5-88017-111-8

ВСТУПЛЕНИЕ

Это издание включает в себя некоторые новые материалы, которые касаются главной темы человеческой жизни — ее перехода из времени в вечность. Человеческому сознанию непредставима вечность. Но и время непонятно. Апокалипсический ангел *клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет* (Откр. 10, 6). Как это времени уже не будет? — Не знаем. Древнегреческий философ Платон, пытаясь понять время — одно из самых загадочных явлений нашей жизни — в каком-то глубоко интуитивном его восприятии утверждал, что оно есть лишь движущийся образ вечности. Действительно, время само по себе для человека представляет нечто странное, алогичное. Народная мудрость выразила это в остроумном афоризме: часы идут, дни бегут, годы летят. Кажется, все должно бы быть наоборот. Но нет, именно таково оно — время — какое-то «ненормальное» по отношению к нашему бытию.

Живет человек и точно знает, что будет конец. Но точно так же знает он (правда, сердцем, а не умом), что конца его жизни не будет. Вечность присутствует в душе, с ней душа рождается, с ней и переходит в нее! Почему так? Все по той же причине, что эта наша жизнь уже является началом Жизни, уже ее преддверием, и сама смерть — лишь неким необходимым

порогом при входе в тот мир, где уже подобных иллюзий не будет. Святые называли наш мир жизни льстецом и обманщиком, обманывающим своей кажущейся вечностью, не имея таковой. Обманывает он всех тех, кто замкнулся на мире, кто видит смысл своей жизни в том, что неминуемо отнимется. И это изъятие будет тем тяжелее и страшнее, чем больше человек прирастет к земле. Тогда разрыв с миром будет проходить по живому, принося человеку тяжкие страдания. Миром Отцы называли не творение Божие. «Слово мир, — говорил св. Исаак Сирин, — есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями. И когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром».

Поэтому умные люди всех времен всегда трезво смотрели на земную жизнь и не строили себе иллюзий относительно ее успехов, способных оборваться в любой момент — и непременно обрывающихся — смертью. Еще древние философы призывали: «Помни о смерти», «Учись всю жизнь умирать». Христианские подвижники говорят то же самое, хотя и по другой причине: «Помни о смерти и вовек не согрешишь». Ярко, выразительно понимание так называемых ценностей этой преходящей жизни показано в арии князя Юрия из оперы «Сказание о невидимом граде Китеже» Н. А. Римского-Корсакова: «О, слава, богатство суетное! // О наше житье маловременное! // Пройдут, пробегут часы малые, // И ляжем мы в гробы сосновые: // Души полетят по делом своим // Пред Божий престол на последний суд, // А кости земле на предание, // И тело червям на съедение. // А слава, богатство куда пойдут?!» Как точно перекликаются эти слова с мудрым наставлением того же Исаака Сирина: «Мирская слава есть утес в море, покрытый водами, и неизвестен он пловцу, пока корабль не станет на нем дном своим и не наполнится водой; то же делает с человеком и тщеславие, пока не потопит и не погубит его!»

Посмертная жизнь души — всегда некая манящая к себе тайна. «Что и как там?» — вопрос, переходящий из поколения в поколение и порождающий массу ответов. Многие из них заимствуются нередко из источников сомнительных и нецерковных: учений нехристианских религий, оккультных сочинений, рассказов «побывавших» на том свете, «откровений» в сновидениях, фантазий психически больных людей и т. п. Потому есть необходимость хотя бы частично раскрыть эту тему максимально приближенно к учению Святых Отцов и авторитетных подвижников Православной Церкви.

Однако христианство совсем не имеет своей целью сделать эту тайну такой явью, которая ответила бы на все вопросы нашей бесконечно любопытствующей души. Для человека, живущего здесь, это и невозможно сделать, и, большей частью, неполезно.

Загробное состояние человека — прямой плод его стремлений и деяний в этой жизни. Но плод не по закону воздаяния, а по закону совести. Об этом прекрасно пишет в своих наставлениях прп. Антоний Великий: «...мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом — по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога — по несходству с Ним... грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют»[1]. Ведь и будучи христианином, о Христе можно лишь рассуждать, развлекаясь богословствованием, фактически не веря Ему и исключая Его из всей своей жизни. Как верно подмечено: «О жизни мудрствуют, да жизнью не живут».

Духовное становление и совершенствование личности происходит перед лицом искушений, действия страстей, нередко тяжких сомнений. Эти терния необходимы человеку в земной жизни, ибо они открывают

[1] *Антоний Великий, прп.* Наставления // Добротолюбие. Т. 1. § 150.

ему самого себя, смиряют его, делают способным к познанию необходимости Христа Спасителя и через это — к получению царственного достоинства чада Божия. Не случайно Отцы говорили, что если бы не было бесов, то не было бы и святых. *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

Естественно было в тему о посмертной жизни включить мысли тех «последних из могикан» — «племени» истинных подвижников Православия, которые, являясь людьми нашего времени (XX в.), передали нам святоотеческое понимание этого важнейшего вопроса. Речь идет о выдержках из писем схиигумена Валаамского Иоанна (Алексеева, † 1958) и игумена Никона (Воробьева, † 1963).

Из времени в вечность

Тайна посмертной жизни

Кто не наблюдал в Пасху, как вереницы людей тянутся на кладбища, к родным могилам? И хотя этот обычай — в Светлое Христово Воскресение идти на кладбище — утвердился в советские времена (у православных есть особый день пасхального поминовения усопших — Радоница), знаменательно, что почему-то и люди нецерковные стремятся помянуть своих усопших именно в светлые дни христианского празднования победы над смертью. Им хочется верить, что родные люди не ушли навсегда, что они, хотя и по-другому, но живы, и с ними можно душой побыть вместе.

Это внутреннее неистребимое чувство бессмертия человеческой личности сильнее любого скептицизма. И это действительно так: все они, наши любимые и родные, — живы, но живут иной жизнью, не той, которой живем мы с вами сейчас, но той жизнью, к которой придем и мы в свой срок, да и все рано или поздно придут. Поэтому вопрос о *той* жизни, которая является жизнью вечной и которую мы празднуем, отмечая Пасху — Воскресение Христово, особенно близок для нас, он касается не просто нашего

ума, но, может быть в большей степени, касается нашего сердца.

Близко нашему сердцу то глубокое слово, которое звучит в храме, — *усопшие*. Слыша его, так и чувствуешь какое-то полное успокоение, которого достигли *они*, сбросив с себя тело с его бесчисленными заботами, суетой, огнем неутолимых страстей. Освободились вы, наши милые и дорогие — *усопшие*. Как же это слово отлично от тех, которые мы слышим вне церковных стен! И конечно же, мы хотим знать — а как они и что *там*?! Мало таких людей, которых бы это не интересовало.

Что происходит с человеком, когда он умирает? Что бывает с душой после ее выхода из тела? Мы соблюдаем определенные православные традиции. Принято, например, поминать усопших на 3-й, 9-й, 40-й день. Но о том, что именно происходит в эти периоды с душой, у нас представления самые приблизительные. Слышали мы, что каждый человек проходит по мытарствам. Но что это такое? То ли, о чем пишут популярные брошюры на эту тему, или что-то иное?

И еще более серьезный вопрос: кто спасается? И что значит «спасается»? Спасаются ли одни христиане или только православные? А из православных лишь те, которые жили праведно? А какой мучительный, самой жизнью поставленный вопрос: спасутся ли или погибнут навечно все те, которые по каким-то объективным причинам (например, не было проповедано о Христе или проповедано ложно, или были не так воспитаны и т. п.) не смогли принять христианства? Ведь если погибнут все неверные, иноверные,

неправославные, то в таком случае спасется лишь какая-то ничтожная доля процента человечества, а все прочие люди погибнут? Неужели Бог не знал об этом? А вот еще один вопрос, который возникает, когда мы прикасаемся к теме посмертного состояния души. Что такое геенна и вечные муки? Они действительно вечные, в смысле — бесконечные? Как сочетать: с одной стороны — предведение и любовь Божию, а с другой стороны — наличие вечных мук?

Вот какие серьезные вопросы возникают из очень простого, на первый взгляд, факта поминовения усопших. Тема жизни души после смерти глубоко таинственна, сокровенна. Очень немногое открыто человеку о его посмертном бытии. Мы коснемся здесь лишь некоторых сторон этой темы, которые небезынтересны для очень многих и так или иначе освещены в Священном Предании Церкви.

ЕШЬ, ПЕЙ, ВЕСЕЛИСЬ, ДУША МОЯ?

Многие помнят евангельскую притчу о человеке, у которого удался необычайно богатый урожай. Он и до того, по-видимому, жил неплохо, но на этот раз, ввиду особого изобилия урожая, стал рассуждать, что ему делать с таким богатством. И решил — ни больше ни меньше — сломать свои старые житницы, построить новые и после этого зажить как следует. Ешь, мол, пей, веселись, душа моя, всего у тебя полно![2]

[2] *И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись* (Лк. 12, 19).

Очень красноречиво сказано! Действительно, о чем только и мечтает человек в течение всей истории? О том, как бы достичь такого научно-технического прогресса, когда можно будет ничего не делать, а только есть, пить и веселиться. Счастье тогда, кажется, будет достигнуто. Но чем завершаются эти вечные мечты богача?

С ним происходит то, о чем он (а мы?) не думал и думать не хотел. Бог произносит суд о нем: *Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя* (Лк. 12, 20). Не просто сказано: ты умрешь (и это было бы страшно), но — **возьмут** (по-церковнославянски сильнее: *истяжут*) душу твою. И дело даже не в том кратком промежутке времени (*в сию ночь*), который отделил мысли и мечты богача от момента, когда его душу *истягнули* из тела. Этот момент для каждого из нас может измеряться разным промежутком времени: часами, днями, месяцами, годами. Но в любом случае все они — миг. Ведь каждый из нас прекрасно осознает, что его предшествующая жизнь прошла как сон — неважно, сколько ему сейчас лет — 20, 50, 70... Время — это какая-то удивительная, странная, я бы сказал, вещь: кажется, и есть оно — и в то же время нет его. Недаром еще древние греческие мудрецы говорили: прошедшего не существует, поскольку оно уже прошло, настоящего нет, так как это неуловимый момент, будущего — поскольку оно еще не наступило. А что же есть, что наступит для нас за мигом земной жизни?

Увы, приговор евангельскому богачу: *истяжут душу твою*, — произносится над всеми

теми, кто весь смысл своей жизни видит лишь в том, чтобы есть, пить и веселиться.

Но что такое смерть? Этот вопрос неотвратимо приходит к каждому человеку, тем более когда уже сам возраст напоминает об этом. Но дело даже не столько в возрасте, сколько в мудрости, которая более всего характеризует человека независимо от прожитых им лет. Помните у Лермонтова, когда ему всего-то было 20 с чем-то лет: «Уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть».

Из-за невозможности найти ответ на вопрос о смысле жизни перед лицом неминуемой смерти нередко возникают трагедии. Сейчас очень много случаев, когда люди кончают жизнь самоубийством — именно из-за кажущейся им бессмысленности жизни. Причем самоубийства охватывают все возрасты, начиная с самого юного, среди самоубийц есть даже дети — 10, 11, 12 лет, а порой и того меньше. Это поразительное явление наблюдается сейчас и в России, и за рубежом. Например, в Соединенных Штатах около 1,5 процента всех смертей произошли по причине суицида.

ПОНИМАНИЕ СМЕРТИ У ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Итак, что же такое — смерть? Во всех народах задумывались об этом. Все религии об этом говорят. Правда, каждая по-своему.

Если обратимся к дохристианской истории, то увидим множество различных вариантов описания посмертия. Но сразу надо заметить, что,

по существу, все они говорят о какой-то форме продолжающейся жизни.

Что же думали о смерти наши далекие предки? Это очень большой вопрос, поэтому его лишь коснемся.

Особенно интересны представления египетской религии. В египетской «Книге мертвых» (ее название буквально переводят как «приход из дня»), которая была написана во II тысячелетии до н. э., находим много размышлений о том, как там душа будет взывать к богам, к духам — взывать с тем, чтобы не подвергнуться каким-то тяжелым ударам, страданиям, бичеваниям, не оказаться в состоянии еще худшем, чем сама смерть. Ибо вот какой страшный приговор объявляет бог Гор нарушителям воли богов: «Грозные мечи покарают ваши тела, ваши души будут истреблены, ваши тени — истоптаны, а ваши головы — изрублены. Не восстанете! Будете ходить на голове! Не подниметесь, ибо попали в свои ямы! Не убежите, не уйдете! Против вас — огонь змея, "Того — Который — Сжигает — Миллионы"! <...> Они <богини с ножами> зарежут вас, расправятся с вами! Никогда не увидят вас те, кто живет на земле!» Но согласно той же «Книге» душа может и спастись, и стать как бы божеством[3]. Более того, поразительная забота о сохранении тела (мумификация) и отдельные поэтические тексты в пирамидах дают повод некоторым исследователям предполагать о наличии у древних египтян даже веры в будущее воскресение[4].

[3] Египетская «Книга мертвых»: http://rumagic.com.

[4] См., например: *А. Б. Зубов*. Победа над последним врагом // Богословский Вестник. Сергиев Посад, 1993. № 1. Вып. 2.

Нечто подобное видим и в тибетской «Книге мертвых», которая, правда, имеет значительно более позднее происхождение: она была записана где-то около VIII в. н. э. В ней мы видим другие мотивы, специфические для индуистского сознания. Смерть рассматривается здесь как ступень в эволюции или, напротив, в деградации души, выражающаяся в соответствующих формах перевоплощения. И хотя по тибетским представлениям некоторые могут достичь состояния так называемой мокши (освобождения), когда процесс перевоплощений остановится, однако очень немногие достигают этой конечной цели. Учение о перевоплощении содержится почти во всех религиозно-философских индуистских системах мысли.

Много экзотического можно найти в буддистских сказаниях. Так, по одному из них, Будда перевоплощался 215 раз и кем только ни был (кроме женщины), прежде чем наконец стать озаренным. Правда, изначальная идея буддизма другая, она ориентирует человека на достижение так называемой нирваны. Однако что она такое — разные школы осмысливают это по-разному. Но это и не столь важно, главное, что *там* что-то происходит.

Кстати, несколько слов об идее перевоплощения. Она, если хотите, тоже предлагает своеобразное спасение от смерти, но глубоко обманчивое для человеческой психологии, откладывающей, как правило, на завтра все то, что трудно и не хочется делать сегодня. Ведь духовно-нравственное совершенствование — это подвиг борьбы с собой. А, как известно:

Бой с самим собой —
Есть самый трудный бой.
Победа из побед —
Победа над собой.

Ф. Логау[5]

Идея же перевоплощения подсознательно ориентирует человека на «бой с самим собой» в неопределенном будущем, особенно если здесь неплохо живется. К тому же сама цепь перевоплощений фактически не имеет конца — это бесконечное число смертей и рождений. По крайней мере, таких счастливчиков, как Будда, который «всего» 215 раз перевоплощался, единицы. Удел же большинства, повторяю, — бесконечная цепь непрекращающихся перевоплощений.

Идею перевоплощений почти без изменений приняла и теософия.

Однако эта идея не имеет под собой никаких серьезных оснований.

Во-первых. Если бы перевоплощение было законом нашего бытия, то у **каждого** человека была бы и какая-то память о предыдущих состояниях. В противном случае обессмысливается основной аргумент данной теории о необходимости многократных воплощений личности, чтобы она могла предпринять усилия с целью полного очищения от грехов. Английский философ XVIII в. Локк справедливо заметил, что если нет памяти о прежнем воплощении, то нет и тождества личности, нет, следовательно, и *пере*воплощения, а есть простое рождение нового Я.

[5] Ф. фон Логау († 1655) — немецкий поэт.

Во-вторых. Нет фактов, подтверждающих ее. Редчайшие случаи так называемых «воспоминаний» своих предшествующих воплощений имеют совсем иную природу, они являются естественными следствиями:

или постороннего внушения, в том числе и телепатического характера[6], или непроизвольного самовнушения, которым особенно легко поддаются люди так называемого медиумического склада (прежде всего, дети, женщины);

или определенных психических заболеваний, когда больной может «вспомнить» себя кем угодно;

или прямых демонических воздействий, нередко проявляющихся в очевидном для всех бесновании;

или проявления так называемой генетической памяти, которая при некоторых условиях может воспроизводить в сознании впечатления и переживания предков, воспринимаемых человеком как свои собственные.

Любопытные мысли встречаем и в древнегреческой мифологии и религии. Древние греки (как, впрочем, и многие другие народы, не имевшие прямого Божественного Откровения) представляли себе посмертное состояние человека или как некую призрачность, или как нечто неизмеримо худшее, нежели любая земная жизнь. Так, у Гомера в «Одиссее», например, есть весьма красноречивые характеристики состояния человека в царстве Аида. Вот как Ахиллес «богоравный» жалуется Одиссею:

[6] См.: *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Дух, душа и тело.

О, Одиссей, утешения в смерти мне дать
не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик,
работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать
свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми
царствовать, мертвый[7].

Еще более интересно посмертное состояние Геракла — этого великого героя древнегреческой мифологии. Сам он находится на Олимпе, на пиру у богов, и в то же время его дрожащая тень с напряженным луком в руках пребывает в Аиде. Одновременно на двух полюсах! Для отца Павла Флоренского эта совершенно необычная мысль Гомера явилась одним из истоков его оригинальной эсхатологической концепции.

О чем говорят эти удивительные фантазии? С одной стороны, о том, что древние греки глубоко чувствовали реальность того мира и неуничтожимость души человеческой, верили, что есть оно, это посмертное состояние. С другой — совершенно не зная, какое оно, исполнялись страхом перед неминуемым неизвестным посмертием и строили всевозможные догадки, создавали, как видим, яркие мифы в попытках осмысления этой тайны. И, нужно отдать им должное, некоторые из этих мифов не просто интересны, но и глубоко выражают идею посмертного воздаяния. Достаточно вспомнить древние интуиции об Островах блаженных и Елисейских полях для праведников и более

[7] *Гомер*. Одиссея / Пер. В. Жуковского. М.: Просвещение. С. 325. XI, 487–491.

поздние мифы, выражающие безнадежность судьбы осужденных: муки Тантала, Сизифов камень, бочки Данаид и т. д.

Подобную же картину можно видеть и в других дохристианских религиях. Интуитивное чувство бессмертия и прямые факты, подтверждающие его (явления умерших, их точные предсказания, предупреждения и др.), растворены в полном тумане неведения о том мире. И так — на протяжении всей дохристианской истории человечества.

Даже если обратимся к Писанию Ветхого Завета, то и здесь найдем нечто подобное. До книг пророков находим в нем утверждения, что душа человека после смерти засыпает, а то и умирает. То есть *весь* человек, а не только тело обращается в прах после смерти! И только пророки, особенно великие, начинают определенно говорить о том, что душа по смерти тела не исчезает, не умирает и даже не засыпает, но испытывает страдания или радость в зависимости от характера нравственной жизни человека; пророки говорят даже о всеобщем воскресении[8]. И это — наибольшее, что было открыто дохристианскому человечеству[9].

[8] См.: *А. И. Осипов*. Ветхозаветная религия // Путь разума в поисках истины. М.: Изд. Сретенского мон-ря, 2004.

[9] В книге «Учение Ветхого Завета о бессмертии души и загробной жизни» проф. П. А. Юнгеров (1856–1921) в широком историческом и культурном контексте исследует представления о загробной жизни, содержащиеся в законоположительных, исторических, учительных, пророческих и неканонических книгах Ветхого Завета, а также проводит сравнительный анализ ветхозаветных представлений о загробной жизни и воззрений древних египтян и персов.

А ЧТО ОБЩЕЕ?

Все народы и все религии говорят о какой-то, хотя бы призрачной, но жизни человека после смерти. Мысль о полном уничтожении личности со смертью тела встречается очень редко.

Непреодолимая психологическая трудность поверить, что после смерти человек исчезает в небытии, роднит искания людей всех времен и народов. Человек — не животное! Жизнь есть и по смерти! И это не просто предположение, не какая-то наивная вера или смутная интуиция, но прежде всего всечеловеческий опыт переживания огромного количества фактов, убедительно свидетельствующих о том, что жизнь личности продолжается и за порогом земного бытия. Сообщения об этом, часто поразительные, находим всюду, где только остались литературные источники. И во всех них красной нитью проходит одна и та же мысль: личность продолжает жить и после смерти. Личность неуничтожима!

Замечателен в этом отношении рассказ К. Икскуля, опубликованный под названием «Невероятное для многих, но истинное происшествие». Рассказ производит большое впечатление своею искренностью и не оставляет никаких сомнений в действительности происходившего. Самое интересное в нем — факт непрерывности сознания при переходе от жизни *здесь* к жизни *там*. Икскуль, описывая момент своей клинической смерти, сообщает, что сначала он испытывал тяжесть, какое-то давление, а потом вдруг ощутил полную легкость и свободу. Затем,

увидев свое тело, начал догадываться, что оно мертво. Но он ни на миг не потерял самосознания. «В наших понятиях со словом “смерть” неразлучно связано представление о каком-то уничтожении, прекращении жизни. Как же мог я думать, что умер, когда я ни на одну минуту не терял самосознания, когда я чувствовал себя таким же живым, все слышащим, видящим, сознающим, способным двигаться, думать, говорить?»[10]

Далее он рассказывает о своем удивлении, когда, оказавшись среди комнаты и увидев группу медиков, заглянул через их плечи — туда, куда глядели все они: «Там на койке лежал я...» «Я... позвал доктора, но атмосфера, в которой я находился, оказывалась совсем непригодной для меня; она не воспринимала и не передавала звуков моего голоса, и я понял свою полную разобщенность со всем окружающим, свое странное одиночество, и панический страх охватил меня... я всячески пробовал и старался заявить о себе, но попытки эти приводили меня лишь в полное отчаяние. “Неужели же они не видят меня?” — с отчаянием думал я и снова и снова приближался к стоящей над моей койкой группе лиц, но никто из них не оглядывался, не обращал на меня внимания, и я с недоумением осматривал себя, не понимая, как могут они не видеть меня, когда я такой же, как был. Но делал попытку осязать себя, и рука моя снова рассекала лишь воздух»[11].

---

[10] *К. Икскуль.* Невероятное для многих, но истинное происшествие // Троицкий цветок. 1910. № 58.

[11] Цит. по: там же.

И свидетельств, подобных этому, множество. Иногда посмертные переживания человека были сопряжены с тяжелыми для него моментами, когда перед его глазами открывалось позорное зрелище дележа его наследства. О самом умершем уже никто не говорил — он уже никому не был нужен (как вещь, достойная только того, чтобы ее выбросить за ненадобностью), все внимание было обращено на деньги и вещи. И можно себе представить, каков был ужас «любящих» его родственников, когда они увидели его возвратившимся к жизни. А каково ему теперь было общаться с ними!

Очень интересный случай из своей жизни рассказал мне мой сосед Сергей Алексеевич Журавлев (1913–1997), учитель по профессии, живший в Сергиевом Посаде. Я его хорошо знал как человека порядочного, психически вполне нормального, и поэтому в достоверности его рассказа у меня нет никаких сомнений. Когда ему было 20 лет, он тяжело заболел тифом, температура была за 40 и его положили в больницу. И вот однажды в какой-то момент он вдруг почувствовал большую легкость и увидел себя посреди палаты, в которой лежал. Было первое мая, он вспомнил о своих друзьях и тут же оказался около них. Они весело, с водочкой, праздновали на лоне природы, разговаривали, смеялись, но его попытки пообщаться с ними оказались совершенно безуспешными: его никто не замечал и не слышал. Тогда он вспомнил о знакомой девушке и также оказался рядом с ней. Он увидел ее сидящей со знакомым молодым человеком, послушал их теплый разговор,

но они на него опять-таки не обратили никакого внимания. Тут он опомнился — я же болен, и сразу увидел себя в палате, а у его койки уже стояли две медсестры с носилками и врач, который произнес: «Он мертв и его нужно отнести в мертвецкую» (так называли тогда морг). В тот же момент он почувствовал страшный холод и услышал крик женщин: «Он жив!» После возвращения к жизни температура у Сергея полностью исчезла. Через день его выписали. Но самое интересное было дальше. Сергей, выйдя на работу, намекнул товарищам, как они праздновали первое мая и о чем говорили, чему те крайне удивились и допытывались, кто ему рассказал (видимо, говорили что-то не для широкой публики). А девушка, когда он сообщил ей о подробностях ее разговора и поведении с другим молодым человеком, вообще пришла в полное замешательство. Естественно возникает вопрос: если нет души, то мог ли труп, да еще лежащий в палате, все так точно узнать о происходящем далеко за пределами больницы?

А вот еще один факт, который произошел с родным братом игумена Никона (Воробьева)[12] Владимиром Николаевичем. Когда ему было лет семь, его во время игры в лапту нечаянно так сильно ударили палкой по голове, что он упал замертво. И он рассказывал, как увидел себя высоко над этим местом, видел растерявшихся мальчишек около своего тела, как один из них побежал к нему домой, и как с криком и слезами бежала к нему из дома мать, схватила его, стала

[12] См.: *Никон (Воробьев), игумен*. Нам оставлено покаяние. М.: Изд. Сретенского мон-ря, 2005.

о смерти и величественнее памяти о Боге». Вот такой святой и то боялся смерти, ему даже отрезали язык за верность Православию. Многие говорят: «Я не боюсь смерти, готов хоть сейчас умереть» — это только пустословие, а когда почувствует приближение ее, тогда будет страх.

Вот что я заметил: большая ошибка и немощь — много заботиться о том, чтобы продлить нашу жизнь. Жизнь и смерть в руках Божиих, и Господь сказал: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Наша забота и стремление должны быть о том, чтобы жить по заповедям Божиим и очистить сердце от страстей.

Сегодня ходил я на кладбище. Погода хорошая, дорога сухая. Обошел все могилы. Прочел доски на крестах. Кто когда умер, сколько лет жил в монастыре и каких лет от рождения. На Новом Валааме лежат в могилах сто пятьдесят четыре инока. Всех вас я знаю, и ваши тела лежат в могилах. Ибо закон смерти неумолим. Когда и где родились — знаем, а когда и где умрем — не знаем. Человек взят из земли, в землю и пойдет, а душа от Бога, к Богу и пойдет.

Где-то вы, честные отцы, находитесь? И как вы там поживаете? Я глубоко верю, что вы не умерли, а только перешли в другой, невидимый мир. Но они молчат! Тайна велика. Где и как живут, мы не знаем. Св. апостол Павел говорит: *Ходим верою, а не ви́дением* (2 Кор. 5, 7).

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3
ИЗ ВРЕМЕНИ В ВЕЧНОСТЬ 7
Тайна посмертной жизни 7
Ешь, пей, веселись, душа моя? 9
Понимание смерти у древних народов 11
А что общее? 18
«Я в аду!..» 24
Богозданная плоть человека 27
Последствия греха прародителей 33
Где пребывает душа по смерти тела 41
Сообщения оттуда 44
«Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных» 48
Посмертный экзамен на добро 54
И экзамен на зло 56
С духом Божиим или с демонами-мучителями . . 60
Подобное соединяется с подобным. Сила покаяния 65
«Страсти в тысячу раз более сильные, чем на земле...» 71
Мы свободны творить добро и зло 76
Церковь 80
Как правильно молиться за усопших 84
Побудь хотя бы сорок дней христианином 90
Геенна 94
Что нас ждет на Страшном суде? 102
Христос — Спаситель всех человеков 108
Зачем Христос нисходил в ад? 118
О смертном грехе и кто праведник 130
ВОПРОСЫ О ВЕЧНОСТИ 137
КОГДА ЛЕГЧЕ УХОДИТЬ 191
В ДРУГУЮ, ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ 215

Религиозно-просветительское издание

Алексей Ильич Осипов
Профессор Московской Духовной академии

ИЗ ВРЕМЕНИ В ВЕЧНОСТЬ

ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ ДУШИ

Издание шестое, исправленное и дополненное

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редактор *О. Вилкова*
Корректоры *О. Назаренко, Е. Рипс*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Верстка *Ю. Рахманина*

Подписано в печать 20.05.2013. Формат 84×108 1/32
Объем 7,0 п. л. Тираж 10 000 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, д.18

Оптовый отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08
Магазин: (499) 245-30-68
E-mail: books@rop.ru http://www.rop.ru